

ТАТЬЯНА БЭК

Отпускной
(ФОРС)-МАЖОР
для прескурории

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Татьяна Бэк

**Отпускной (форс)мажор
для прокурорши**

«Автор»

2026

Бэк Т.

Отпускной (форс)мажор для прокурорши / Т. Бэк — «Автор»,
2026

Подушечки пальцев скользят по гладкой коже мужчины, исследуют каждую выпуклую каменную мышцу, и я слышу, как сбивается дыхание незнакомца, становясь рваным и хриплым.— Знаешь, я не сплю с женщинами, не узнав их имени, но для тебя сделаю исключение. А потом всё же объяснишь мне, красавица, какого чёрта ты среди ночи завалилась в мою комнату, а затем храпела так, что стены дрожали — мурлыкает на ухо незнакомый мужской голос. Горячий сон становится абсурдным, желание резко пропадает, а на место ему приходит подозрение, что происходит это всё на самом деле. Резко разворачиваюсь на другой бок и замираю. На меня с наглой белозубой усмешкой взирает юный красавчик с абсолютно бесстыжими зелёными глазами и ямочкой на подбородке.

© Бэк Т., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	7
Глава 3	8
Глава 4	10
Глава 5	13
Глава 6	15
Глава 7	17
Глава 8	19
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Татьяна Бэк

Отпускной (форс)мажор для прокурорши

Глава 1

— Марго, уймись! — орёт муж, рискующий стать трупом мужа. — Ты совсем ополоумела?

Я, конечно, чту Уголовный кодекс, ибо работаю в прокуратуре, но сейчас мой ненаглядный супруг Игорь имеет все шансы довести меня до убийства в состоянии аффекта. Хотя уверена, что если судья окажется женщиной, то меня оправдают. А нечего было Игорьку тащить домой свою писюху-любовницу, которой только недавно стало можно алкоголь покупать.

— Я ополоумела? — рычу в гнев, запуская в сторону улепётывающего голожопого супруга картофелиной из пакета, который еле допёрла из супермаркета. — А ты берега не попутал, милый, когда притащил домой эту соплячку. Надеюсь, что ей уже есть восемнадцать? Мне только не хватало, чтобы меня с работы из-за твоих сексуальных походов попёрли!

Юная пассия Игорька мелкими перебежками благоразумно пытается добраться к двери из квартиры, но я успеваю зарядить картофелиной и по ней. Девушка взвизгивает так, что дрожат стёкла.

— Сумасшедшая старуха! Вам лечиться надо в доме для престарелых! — истерично заявляет она, пятась в коридор.

А вот это она зря... Да, мне исполнилось тридцать три, и я этого не скрываю, а принимаю свой возраст с мудростью и удовольствием, ибо он прекрасен. И не какой-то размалёванной студенточке пытаться подпортить мне самооценку!

— Слушай ты, Лолита на минималках... — наступаю на пигалицу, которая бросается к моему супругу, намереваясь укрыться за его спиной. Но Игорёк явно не собирается пасть геройской смертью, поэтому отпихивает свою избранницу и фактически прикрывается ей от очередной картофельной очереди, которую запускаю по этим голубкам.

Они бросаются врассыпную, а мне вдруг становится нестерпимо грустно. Боже, на что трачу свою жизнь? Ещё с утра я могла назвать себя счастливой женщиной, у которой есть всё: любимая работа, крепкий брак и уверенность в завтрашнем дне...

Но с работы сегодня меня уволили за наличие собственного мнения, которое идёт вразрез с позицией руководства. Муж оказался подлым изменником. А завтра... что ждёт меня завтра лучше даже не задумываться.

— Уходите... — произношу глухо, ощущая навалившуюся пустоту и апатию.

— Это куда ты меня гонишь, не забыла, что квартиру мы покупали вместе во время брака? — начинает вдруг выступать Игорь, явно считав перемену моего настроения. — Это моя жилплощадь! И я отсюда только вперёд ногами выйду!

— Могу устроить! — огрызаюсь, но без былого запала, словно внутри кто-то выключил питание. — А знаешь, милый! Сейчас я уеду в командировку на неделю, а когда вернусь, здесь не должно быть и следа твоего присутствия. И не думай вынести мебель и технику, ты же знаешь, что здесь всё куплено на мои деньги. Не забывай, где я работаю, Игорь. Не советую со мной связываться!

Хорошо, я не успела рассказать благоверному о том, что отныне я не сотрудник прокуратуры. Но пусть боится, подлец, потому что страх — единственное, что может удержать Игоря в узде.

Быстро закидываю в сумку вещи и документы на квартиру под удивлённым взглядом сладкой парочки. Но сейчас я и впрямь готова оказаться где угодно, лишь бы подальше от этих

стен, пропахших сладким парфюмом любовницы мужа и вонью предательства. Мне просто невыносимо оставаться в квартире, которую считала семейным гнёздышком.

Ничего, я ещё обдеру этого похотливого кобеля до нитки, но для этого нужно прийти в себя.

С этой мыслью уйду в ночь, захватив с собой пакет с остатками картошки — не оставляю ничего подлецам. Кажется, там ещё не разбилась бутылка шампанского, которое купила для того, чтобы отпраздновать своё увольнение. Если бы я знала, к чему меня приведёт эта злополучная бутылка...

Глава 2

Как же болит голова, а глаза отказываются открываться. Жалобно постанываю, потягиваюсь на кровати и вдруг чувствую спиной чьё-то чертовски горячее и твёрдое тело. Наверное, это сон, у Игоря никогда не было такого рельефа, а я позвонками ощущаю чьи-то выдающиеся кубики пресса и литые грудные мышцы.

Какой приятный сон, давно мне ничего эротического не снилось, — больше какие-нибудь рабочие проблемы, да всякие нелепости, а сейчас всё так реалистично и возбуждающе. Надо пользоваться случаем!

Давно покинувшее меня либидо вдруг возвращается, да так внезапно и ощутимо, что низ живота сводит сладко судорогой. Рука сама собой тянется назад и принимается ощупывать моего сновиденного красавца. Пусть я не вижу партнёра, но почему-то уверена, что он шикарен.

Подушечки пальцев скользят по гладкой коже мужчины, исследуют каждую выпуклую каменную мышцу, и я слышу, как сбивается дыхание незнакомца, становясь рваным и хриплым. В район копчика вдруг упирается нечто весьма массивное и твёрдое. Ой, неужели существует столь впечатляющий стояк? Хотя это же сон!

— Знаешь, я не сплю с женщинами, не узнав их имени, но для тебя сделаю исключение. А потом всё же объяснишь мне, красавица, какого чёрта ты среди ночи завалилась в мою комнату, обозвала меня охреневшим типом, оккупировавшим дом её детства, а затем храпела всю ночь так, что стены дрожали... — мурлыкает на ухо незнакомый мужской голос. Весьма соблазнительный голос, что стоит отметить.

Эротический сон становится вдруг абсурдным, желание резко пропадает, а на место ему приходит подозрение, что происходит это всё на самом деле... В голове проносятся отрывочные воспоминания вечера: вот я кидаю картошкой в изменника мужа и его молодую любовницу; вот пью шампанское прямо из горла на лавочке; вот решаю, что единственное место, где меня ждут — старый дом бабы Марьи в деревне.

Кажется, я вчера ночью действительно поехала к своей любимой троюродной тётушке, пообещав таксисту заплатить двойной тариф за плохую дорогу, которая ведёт к деревне. Но это не объясняет того, что рядом со мной лежит какой-то самец.

А между тем мужские руки жадно и нагло ложатся на мою грудь, сжимая её и ловя пальцами тут же твердеющие вишенки сосков. Это настолько неожиданно, что мне не удаётся сдержать стона.

Нет, Марго, соберись! Ты действительно готова отдаться какому-то типу, которого не знаешь и который неизвестно как оказался в доме бабы Марьи? А вдруг это древний тракторист Семёныч, который хаживал к твоей тётушке?

При мысли, что меня лапает деревенский дед со вставной челюстью, становится совсем худо, я резко разворачиваюсь на другой бок и замираю... Это точно не дед... На меня с наглой белозубой усмешкой взирает юный красавчик с абсолютно бесстыжими зелёными глазами и ямочкой на подбородке. А ещё этот парень явно моложе меня лет на десять. Словно этого мало, взгляд сам собой упирается в эрегированный член, который ничем не прикрыт.

— А-а-а-а-а... — начинаю орать я, сама не понимая отчего. Хотя, наверное, это нормальная реакция, если случайно обнаруживаешь в постели абсолютно незнакомого юного Аполлона, на котором совсем нет одежды.

Глава 3

— А-а-а-а! — продолжаю орать, хватая подушку и прижимая к груди, словно щит.

Наглый тип даже не думает испугаться. Наоборот — лениво приподнимается на локте, и от этого движения его идеальная грудная клетка перекачивается мышцами так, что у меня дыхание сбивается. Я, конечно, женщина взрослая, прокурорская закалка, но против такой красоты — бессильна даже Фемида.

— Орать будешь после того, как узнаешь, на что способен мой язык, — усмехается он, и в зелёных глазах плещется такое откровенное обещание, что я забываю, зачем вообще орала.

— Ты! Ты... оккупант! — наконец выдавливаю из себя, потому что мозг, отказывающийся работать в режиме «ужас», переключается на режим «праведное негодование». — Ты кто такой? Это дом бабы Марьи! А я её законная... ну, троюродная... но родственница! А ты кто?

— Хозяин, — невозмутимо заявляет он, и у меня челюсть отвисает.

— Какой ещё хозяин? Ты похож на мальчика по вызову, а не на хозяина!

Незнакомец вдруг резко наваливается сверху, перехватывая мои руки и прижимая их к кровати по обе стороны от головы. Подушка падает на пол, и я оказываюсь совершенно беззащитна перед этим нахалом. Его бёдра раздвигают мои, и я чувствую каждым сантиметром своего тела, что он абсолютно, совершенно, неприлично голый. И возбуждённый.

— За такую наглость, — шепчет наглец, касаясь губами моего уха так, что у меня мурашки летят по всему телу, — мне придётся тебя наказать, красавица.

Открываю рот, чтобы сказать что-то острое и уничтожающее, но в горле пересыхает. Потому что его бёдра слегка прижимаются сильнее, и я чувствую, КАК именно он собрался меня наказывать.

— Не советую, — выдавливаю осипшим голосом. — Я сотрудник прокуратуры.

— А я — частное лицо, защищающее свою собственность от незваных оккупанток с храпом, который разбудил бы и мёртвого, — парирует красавчик, усмехаясь. — Так что, гражданочка, вы у меня на территории. Придётся отвечать по всей строгости.

Я уже собираюсь лягнуть его коленом в причинное место (потому что прокурорская этика — это одно, а самосохранение — другое), но тут...

— Марго! Ты проснулась? — раздаётся из коридора звонкий голос бабы Марьи. — А я оладушки ставлю!

Мы с наглецом замираем.

Парень надо мной — с расширенными глазами. Я под ним — с диким желанием провалиться сквозь землю.

Дверь в комнату распаивается, и на пороге возникает моя троюродная тётушка — маленькая, кругленькая, с вечно удивлёнными бровями домиком. Она переводит взгляд с меня, распятой на кровати, на парня, который надо мной в позе «а сейчас будет секс», и вдруг радостно хлопает в ладоши.

— Ой! А вы уже познакомились! Вот и славненько!

— Тётя Марья... — начинаю я максимально спокойным голосом, хотя внутри всё кипит. — Кто этот... гражданин? И почему он в вашем доме?

— Так это ж Ваня, — машет рукой баба Марья, словно это всё объясняет. — Внук моей сводной сестры, которая по отцовской. Троюродный, кажись, я и сама запуталась. Он мне дом помогает ремонтировать, пожил тут немного. А ты, Марго, вчера такая расстроенная приехала, я тебя в голубую комнату отправила, а ты...

Она замолкает, смотрит на нас, потом на меня с таким хитрым прищуром, что я всё понимаю.

— А ты, дочка, видно, перепутала. И попёрлась спать в Ванькину спальню. Ну, бывает.

— Бывает?! — возмущённо воплю я, пытаюсь вырвать руки из захвата парня, который, зараза, даже не думает меня отпускать. Наоборот, сильнее прижимает к кровати, при этом улыбаясь бабушке самой невинной улыбкой.

— Бабуль, она ещё и назвала меня мальчиком по вызову, — жалуется он, и я хочу его убить. Своими руками. А потом воскресить и убить снова.

— А ты и не спорь, Вань, — хохочет баба Марья. — Ты в одном трухляндере по дому ходишь, ну вылитый мальчик по вызову. Только клиентов нет, потому что город далеко.

— Бабуль! — возмущается он, и я впервые вижу, как его наглая морда краснеет.

— Ладно, молодёжь, — подмигивает нам тётушка. — Завтракать давайте. Молоко парное, оладьи со сметаной. А потом... разберётесь, кто чей оккупант. Только без членовредительства, лады? Я холодильник новый заказала, мне грузчики нужны.

Она выходит, прикрывая дверь, и я слышу, как она бормочет себе под нос: «А я говорила, что они поладят...»

Повисает тишина.

Ваня (оказывается, Ваня!) медленно отпускает мои руки, но не слезает с меня. Его зелёные глаза теперь смотрят внимательно, изучающе.

— Прокурорша, значит? — тихо говорит он. — А я думал, ты стриптизёрша в бегах.

— А я думала, ты бандит, который хату захватил, — огрызаюсь. — Оба ошиблись.

Он усмехается, и эта усмешка... чёрт... она снова делает что-то с моим низом живота.

— Может, продолжим выяснение отношений после завтрака? — предлагает, слезая с меня и наконец давая возможность вздохнуть. — Оладьи у бабули — это святое.

Я сажусь на кровати, понимая, что моя одежда сбилась, волосы похожи на гнездо, а на лице, наверное, отпечаток подушки.

— И больше никаких наказаний, — предупреждаю я, пытаюсь придать голосу ледяной прокурорский тон. — Вы мне никто, и я вам ничего не должна.

Иван уже натягивает джинсы (и как я не заметила, что он успел надеть их так быстро — чёрт, я что, смотрела на его задницу? Да, смотрела. И у него отличная задница). Поворачивается ко мне с той же наглой улыбкой.

— Посмотрим, гражданочка прокурорша. Деревня маленькая, ночь длинная. А ты мне всё-таки должна объяснить, какого чёрта ты храпела так, что у меня картины упали.

Я хватаю подушку и запускаю ему в голову. Ловит, зараза. Ох, надо бы мне отсюда ноги уносить, но сперва завтрак, а после него вернусь в город. Вернусь же?

Глава 4

— Тётя Марь, Я так и не поняла, а этот тип вам кто? — шепчу я, налегая на оладьи, которые тают во рту, словно поцелуй первого любовника. — Я что-то не припомню у вас никаких родственников мужского пола, кроме покойного дяди Гриши.

Баба Марья пододвигает мне ещё парного молока, с пенкой, от которого у меня грудь наливается, кажется, ещё на полразмера. Всего один завтрак в деревне, а я уже чувствую, что мне одежда моя мала.

— Ванька — внук моей свояченицы. А та, в свою очередь, замужем за братом твоей мачехи. Так что он тебе никто, — она хохочет. — И ты ему никто. Родственники через десятые воды. Можете хоть жениться, хоть передрасться — закон не запрещает.

— Я замужем, — напоминаю сухо, хотя внутри всё скручивается при мысли, что этот наглый зеленоглазый красавчик — вообще посторонний человек без родственных связей. То есть... нет ничего предосудительного, если бы я...

— Была, Марго, — вздыхает тётя. — Вчера, пока ты спала, твой Игорь звонил раз десять. Я не брала трубку, потом он мне эсэмэску прислал: «Передайте своей психопатке, что я подал на развод». А потом ещё одну: «И пусть забирает свои картошки, я их в коридор выкинул».

Медленно опускаю кружку и вздыхаю.

— Ну что ж, — говорю максимально ровным голосом, хотя внутри всё кипит. — Значит, развод. Значит, делёжка имущества. Значит...

— Значит, остаёшься у меня, — тётя Марья хлопает ладонью по столу так, что ложки подпрыгивают. — Отпуск, говоришь, у тебя? Нервы поправить? Вот и поправляй. Грядки вон запущены, Ванька всё руки не доходят, ремонтом занят. А мне помощница нужна.

И я соглашаюсь, сама не знаю, зачем. Наверное, чтобы доказать себе, что не сломалась. Чтобы мой Игорёк-херотряс увидел потом, как я цвету и пахну. А может, чтобы просто побыть там, где пахнет пирогами, а не предательством.

Конечно, я переселяюсь в голубую комнату — маленькую, светлую, с вышитыми занавесками и скрипучей кроватью. Не хватало ещё делить постель с этим молоденьким наглецом.

Но этот парень так и стоит перед внутренним взором... И его член. Боже, какой же у него... Нет, Марго, соберись. Ты прокурор — хоть и бывший — а не первокурсница.

Выхожу во двор, надев старые джинсы, футболку и панаму тёти Марьи, которая должна защитить от солнца. Сейчас как стану попой кверху над грядками, как устрою им прополку! Но когда я выхожу на крыльцо и обвожу взглядом участок, понимаю, что никогда не смогу принять столь двусмысленную позу, ибо в левом углу двора, возле покосившейся беседки, стоит ОН.

Иван... В одних коротких шортах, которые сидят на бёдрах так низко, что видна каждая мышца пресса, ведущая туда, куда мне смотреть вообще не положено. Он что-то сверлит, склонив голову набок, и капельки пота стекают по его лопаткам, по рельефной спине, по бицепсам, которые перекачиваются под кожей, когда он поднимает инструмент.

А я застываю как вкопанная, кажется, даже дышать перестаю.

Зеленоглазый, словно чувствуя мой взгляд, поднимает голову, поворачивается и скалится своей наглой улыбкой:

— Забор зенками прожжёшь, гражданочка прокурорша. Я, конечно, польщён, но у меня работа.

— Я не смотрела! — вру так громко, что петух на соседнем дворе испуганно кукарекнул. — Я... просто оцениваю масштаб бедствия. Тётя Марья говорила, у неё тут крыша течёт, забор валится, а у тебя вид... декоративный. Сомневаюсь, что ты справишься.

— Декоративный? — его бровь ползёт вверх.

— Ну да, — я складываю руки на груди. — Такие красавчики обычно гвоздя забить не могут. Максимум — селфи на фоне стройки.

Иван откладывает дрель, медленно выпрямляется и идёт ко мне босиком, каждым шагом заставляя моё сердце биться всё чаще.

— А ты, Марго, смелая, — говорит он, останавливаясь в двух шагах. От него пахнет деревом, потом и чем-то неуловимо мужским, отчего у меня немеют пальчики на ногах. — Сначала называешь меня мальчиком по вызову, потом оккупантом, теперь декорацией. А ведь я, между прочим, эту беседку своими руками построил, крышу тёте Маше перекрыл и проводку поменял.

Неверяще смотрю на беседку. Действительно, новая, аккуратная, с резьбой. Потом перевожу взгляд на мужские сильные руки с чёткими венами, слегка грязные от работы.

И мне становится стыдно. Немножко. Ну, самую капельку.

— Ну, может, ты и умеешь что-то кроме... — я закусываю губу, потому что не знаю, как закончить фразу.

— Кроме чего? — он наклоняет голову, и его зелёные глаза становятся тёмными, как лес в полночь.

— Кроме как приставать к незнакомым женщинам, — нахожусь я, но голос предательски сел. — Но уверена, что я лучше тебя с молотком управляюсь.

Наглец улыбается. Очень опасно и провокационно.

— Ладно, докажи, что я не умею забивать гвозди, — предлагает, протягивая мне молоток.

Я выхватываю молоток, зачем-то подхожу к доске и с размаху — БАМ! — гвоздь уходит в дерево по самую шляпку. С одного удара.

— Видал? — говорю с вызовом, но тут же ругаю себя за то, что я, взрослая женщина, повелась на «слабо».

— Видал, — Иван стоит у меня за спиной. — А теперь дай я покажу, как надо.

— Я и так... — начинаю я, но он берёт мою руку с молотком в свою, и его грудь прижимается к моей спине.

— Держи ровнее, — шепчет мне в макушку, и я чувствую, что колени официально объявляют забастовку. — И не дрожи.

— Я не дрожу, — шепчу в ответ, хотя дрожу так, что гвоздь, кажется, пляшет.

— А должна, — усмехается он. — Потому что ты, Марго, очень красиво краснеешь для женщины, которая умеет забивать гвозди и не желает признавать, что я ей нравлюсь.

Резко разворачиваюсь, упираясь ладонями в горячую грудь (абсолютно случайно, конечно), и смотрю снизу вверх:

— Слушай, Ваня... Ты, конечно, мастер на все руки, но если ты ещё раз...

— Что? — его рука ложится на мой затылок, пальцы зарываются в волосы под панамой. — Вызовешь полицию? Так она далеко. Или сама арестуешь? У тебя даже наручников нет.

Я открываю рот, чтобы сказать что-то острое, но с крыльца раздаётся голос бабы Марьи:

— Молодёжь! Если вы собрались там друг друга гвоздями прибивать — имейте совесть, я обедать через час накрываю!

Мы замираем. Я отскакиваю так, будто меня током ударило. Ваня же совершенно спокойно берёт из моих рук молоток и подмигивает:

— Продолжим после обеда, гражданочка. У меня ещё забор в твоём присутствии нуждается.

— В моём присутствии?! — недоумеваю я.

— Ага, — он уходит, белозубо улыбаясь, и я готова проклясть тот день, когда решила, что деревня — это скучно. — Ты меня вдохновляешь, Марго. Злишь — аж руки чешутся.

Словно пугало стою посреди огорода рядом с грядкой, которую так и не прополола, и понимаю: если здесь останусь ещё на неделю — я или убью этого хама, или...

Глава 5

Вечер опускается на деревню мягкий, тёплый, с запахом скошенной травы и далёким лаем собак. Я успела прополоть ровно три грядки, сломать ноготь и мысленно прибить Ваню раз двадцать — то за наглую улыбку, то за то, как он смотрит, когда я нагибаюсь над огурцами.

Но к закату усталость берёт своё. Я сижу на крыльце, пью чай с мятой и чувствую, как мышцы ноют приятной болью.

— Марго, Ваня, — выходит баба Марья с веником в одной руке и простынёй в другой. — Идите в баню. Истопила уже.

— Я не хочу, — отвечаю машинально, потому что идея оказаться с этим... этим зелёноглазым искусителем в одном помещении, пусть даже и в русской парилке, заставляет моё сердце биться неприлично быстро и раскатисто.

— Не пойду, — повторяю твёрже. — Я лучше умывальником. Или из ковшика.

— Маргош, — вздыхает тётя с таким видом, будто я капризный ребёнок. — Ты целый день на грядках горбатилась, у тебя спина будет завтра не своя. А в баньке — благодать. Ваня, скажи ей.

Иван стоит возле сарая и смотрит на меня с выражением, которое я не могу прочесть.

— Я не буду к тебе приставать, — говорит ровно, без обычной наглой усмешки. — Обещаю. Никаких... — он чуть кривит губы, — наказаний. Будет прилично. Я даже на твою сторону бани не посмотрю.

— Как трогательно, — фыркаю я, но внутри что-то ёкает. — Рыцарь в шортах.

— Могу и без них прийти, — парирует он, и ярость возвращается — слава богу, знакомая, безопасная.

— Ладно, — сдаюсь я, потому что спина действительно ноет, а баня от бабы Марьи — это всегда пар такой, что кости тают. — Но если ты хоть слово...

— Клянусь, — красавец прижимает руку к груди, и жест получается почему-то совсем не шутовским. — Буду нем, как партизан на допросе. И сдержан, что отшельник, принявший аскезу.

Баня у тёти Марьи — настоящая, чёрная, с низким потолком, тяжёлым духом берёзового веника и тишиной, которая давит на уши. Я наматываю простыню стараясь прикрыть как можно больше тела — вроде и не голо, и не стыдно. Ваня уже внутри, сидит на нижнем полке, отвернувшись к стене и даже не смотрит в мою сторону.

— Честный? — спрашиваю с вызовом.

— Честный, — отвечает он, не поворачиваясь.

Я сажусь на противоположный край, поджимаю ноги под себя. Простыня сползает с плеча, и тут же её поправляю. Пахнет деревом, мятой и чем-то ещё — наверное, тем самым веником, который мокнет в шайке. Вода шипит на камнях, а тишина затягивается.

— Ну и дурацкая ситуация, — первой не выдерживаю я.

— Дурацкая, — соглашается он. Голос звучит глухо, без обычных ноток. — Я правда не хотел, чтобы так вышло. С той ночью.

— А как ты хотел? — я чуть поворачиваюсь, вижу его затылок, тёмные волосы, влажные от пара.

— Я проснулся от того, что меня кто-то ощупывает, — его голос дрожит от сдерживаемого смеха. — Думал, приснилось. Потом понял — нет, не приснилось. Ты там такие круги по моим мышцам выписывала... У меня вообще мозг отключился.

— Не напоминай, — тру лицо руками. — Я приняла тебя за эротический сон. У меня... давно ничего такого не было.

Парень медленно поворачивается, а я автоматически вжимаюсь в стенку, но он не придвигается ко мне.

— Прости, — говорит вдруг. Серьёзно. — Я нагрубил тогда утром. Напугал. И вообще... я знаю, что выгляжу как тот ещё козёл.

— Выглядишь? — усмехаюсь я. — Вань, ты ведёшь себя как козёл. Извини, это профессиональное — называть вещи своими именами.

— А ты ведёшь себя как фурия... — глаза у него в полумраке бани кажутся почти чёрными. — Но я понимаю почему. У тебя был дерьмовый день. И муж — дерьмо. И работа... тётя Марья рассказала.

— Много ты знаешь, — бурчу, но без огня.

— А ты много знаешь обо мне? — вдруг спрашивает он. — С ходу назвала меня мальчиком по вызову. Потом — декорацией. Почему?

Принципиально молчу. Потому что правда — неприятная.

— Потому что ты красивый, — наконец говорю. — Очень. Такие обычно... пустые. Или думают, что мир у их ног. И вот теперь я не могу понять, кто ты, Ваня? И что делаешь в этой богом забытой глуши. Тебе бы в рекламе нижнего белья сниматься да быть лицом какого-нибудь известного бренда.

Он поднимает глаза и смотрит на меня так, что я забываю дышать.

— Я был скульптором, — говорит он, словно беседуя с самими собой. — И может быть, ещё стану. Не знаю. Я учился в академии, потом были выставки — в Москве, в Петербурге, даже в Париже одну сделал. Две персональные. Продавал работы коллекционерам, меня называли восходящей звездой, — он усмехается горько. — А потом я понял, что больше не могу. Что эта блестящая, яркая, шумная жизнь, она меня съела. Я перестал чувствовать материал. Перестал видеть форму. Я выходил в мастерскую, смотрел на глину и... пустота... как в колодце без дна.

Забываю, как дышать и слушаю, не перебивая. Пар оседает на коже капельками, и мне почему-то холодно от слов Вани, хотя в бане жара.

— И ты уехал, — договариваю за него. — Сюда.

— Да. Тётя Марья пустила. Дом старый, но мне здесь... тихо. Здесь есть форма и текстура. Дерево, земля, небо, — парень мечтательно смотрит в потолок, где переплетаются тени от пара. — И я начал потихоньку лепить. Сначала просто так, из глины, что накопал у ручья.

Потом...

Он замолкает.

— Что потом? — тихо спрашиваю я.

— Потом приехала ты, — он поворачивается ко мне, и в его взгляде что-то меняется. — И... я не хочу тебя пугать. Но ты меня вдохновляешь, Марго. Хотя и жутко бесишь!

— Такие, как ты, едут за вдохновением на Бали, — говорю колким тоном, который должна была придержать. Но я вдруг чувствую себя удивительно уязвимой от этого признания. — Или на Гоа, под пальмы. Там полно девушек в браслетиках и свободных штанах, которые будут тебя вдохновлять на великое. А здесь... что? Грядки? Картошка?

Неловко смеюсь, чувствуя, что ляпнула не то, что следовало. Иван отворачивает, молчит очень долго, а потом поднимается.

— Ты права, — тихо произносит с горькой усмешкой. — Наверное, Бали — это то, что мне нужно.

Он берёт полотенце, накидывает на плечи и выходит из бани, не оборачиваясь. Дверь хлопает, и пар вырывается клубом в вечернюю прохладу.

А я сижу на полке, прижимая простыню к груди, и чувствую себя последней дурой.

«Чёрт, Марго, — думаю я, глядя на закрытую дверь. — Кажется, ты только что обидела единственного мужчину за последние годы, который говорил с тобой честно».

Глава 6

Из бани я выхожу, когда уже совсем стемнело. Небо над деревней — как бархатная чёрная мантия, звёзды такие крупные, будто их специально увеличили для меня. В доме тихо. Баба Марья, наверное, уже спит, она человек деревенский и живёт по солнцу. В комнате Вани — темно. Дверь прикрыта, из-за неё не раздаётся ни звука.

Я же стою в коридоре, сжимая край халата, и чувствую себя нашкодившей девочкой, которая хочет извиниться, но язык не поворачивается. За что извиняться? Сказала правду. Талантливые скульпторы не прячутся в деревнях от жизни. Они творят, выставляются, получают премии...

«А может, Ваня просто устал, Марго? — шепчет внутренний голос, который подозрительно похож на бабу Марью. — Может, он имел право сбежать? Как и ты сама?»

Судя по всему, мне сегодня не уснуть, меня мучает совесть, поэтому решаю ещё подышать свежим воздухом, который действует на меня словно шампанское, кружа голову.

На крыльце замечаю знакомый мужской силуэт. Иван развалился на ступеньках, запрокинув голову к звёздам. В одной футболке, несмотря на ночную прохладу. Рядом с ним стоит кружка, и дымок тянется — чай, наверное.

— Можно? — спрашиваю тихо.

Парень не оборачивается, лишь пожимает плечами. Я сажусь на противоположный конец крыльца, обхватываю колени руками. Халат сползает, но мне плевать.

— Я погорячилась, — говорю, наконец. — Не знаю, к чему ляпнула про Бали. Обычно я не лезу в чужую жизнь...

— А я и не обиделся, — мужской голос звучит ровно, без обычной издёвки.

— Врёшь.

Ваня поворачивается ко мне. В темноте не видно глаз, но я чувствую его внимательный взгляд.

— Немного обиделся, — признаётся он. — Но ты права. В моём положении не сбегают в деревню к бабушке. Скульпторы должны страдать в мансардах, пить абсент и бить посуду о стены в творческом кризисе. А я тут... картошку ем и грядки поляю.

— А что ты лепил раньше? — спрашиваю, чтобы не молчать.

— Людей. Женщин в основном. Их тела, лица, изгибы. Я любил лепить женские спины. Позвоночник, лопатки, эту линию... — он проводит рукой в воздухе, и почему-то у меня мурашки бегут по собственной спине. — В этом есть что-то бесконечно красивое. Хрупкость и сила одновременно.

Невольно выпрямляюсь, и Иван, кажется, замечает это движение.

— Не бойся, — говорит мягко. — Я же обещал — никаких наказаний сегодня. Да и вообще... наверное, ты права. Мне не стоило нависать над тобой тем утром. Я просто...

— Что?

— Я просто давно не просыпался в обнимку с красивой женщиной, — он допивает чай и ставит кружку на ступеньку. — Даже если она храпела так, что стены дрожали.

Открываю рот, чтобы возмутиться — какой ещё храп?! — но красавчик вдруг обезоруживающе улыбается. От этой наглой, мальчишеской улыбки у меня внутри всё переворачивается.

— Не храпела я!

— Ещё как храпела. Я даже записал на диктофон, если хочешь — дам послушать.

— Ты врёшь!

— А ты проверь, — Ваня достаёт из кармана телефон, и я, забыв обо всех приличиях, бросаюсь к нему, вырывая гаджет.

Мы сталкиваемся лбами, и на секунду я оказываюсь так близко, что чувствую запах его кожи — бани, дыма, чая и чего-то ещё, отчего у меня подкашиваются ноги.

— Отдай, — шепчу, стараясь не смотреть в глаза.

— Не отдам, — шепчет он в ответ. — Это вещественное доказательство.

— Я прокурор! Я изымаю!

Мужская рука ложится на мою талию, и я замираю. Пальцы у него горячие, даже через халат чувствую.

— Отпусти, — прошу тихо.

Иван замирает, но затем отпускает медленно и нехотя.

Телефон остаётся у меня в руках, но я уже не слушаю никаких записей. Просто прижимая тёплый металл к груди, и понимаю, что сейчас, в эту самую секунду, я не думаю ни про Игоря, ни про увольнение, ни про то, что завтра меня ждёт и это удивительно.

Утро встречает меня солнечным зайчиком на лице. Баба Марья уже гремит кастрюлями, от плиты тянет чем-то невероятно вкусным — блинчиками, кажется.

Ваня за завтраком не появляется.

— Ушёл к ручью, — сообщает тётя, подкладывая мне третий блин. — Говорит, глину набирать для лепки. Ты бы сходила, помогла ему, Маргош. А то он там один, с утра пораньше...

— Я ничего не понимаю в глине, — бормочу с набитым ртом.

— А ты не понимать приходи, — подмигивает баба Марья, и я отставляю кружку.

Ручей течёт за огородом, через молодой березняк. Я иду по тропинке, которую сама же вчера полола, и уже издалека вижу Ваню, который сидит на корточках, прямо в воде, закатав джинсы по колено. Футболка на нём серая, в грязных разводах, волосы растрёпаны. Сосредоточенно копается в прибрежной глине, что-то рассматривает, откладывает в сторону.

— Принесла тебе кофе, — говорю громко, протягивая термос.

Красавец поднимает голову. Глаза у него светлые, весёлые, и обида вчерашняя, кажется, забыта.

— А ты, Марго, оказывается, умеешь быть милосердной.

— Тебе показалось, — сажусь на большой камень у ручья, наблюдаю, как он выходит из воды. — Это шпионаж. Я должна убедиться, что ты не закапываешь в лесу трупы.

— Трупы я закапываю в другом месте, — он садится рядом, берёт кофе, делает глоток, не сводя с меня глаз. — А здесь я ищу вдохновение. И, кажется, нашёл.

Парень смотрит на меня так, что румянец заливает щёки против моей воли.

— Хватит, — прошу тихо.

— Чего?

— Смотреть на меня. Как на... натуру для скульптуры.

— А ты не хочешь быть натурщицей? Ты просто создана для этого. Но учти, тебя я буду ваять только обнажённой. Сегодня же и начнём!

— А с чего ты взял, что я соглашусь? — стараюсь сделать оскорблённый вид, но внутри меня распирает от какого-то азарта и желания хоть раз действовать по голосу сердца, а не разума.

— Твои глаза мне сказали, а они не врут!

Глава 7

Мы возвращались с ручья, нагруженные, как ишаки. Ваня нёс большое ведро с жирной серой глиной — идеальной, пластичной, той самой, про которую он говорил, что она «поёт под пальцами». Я тащила ведро поменьше и пакет с какойто особой породой, которую парень накопал на самом дне, промёрзнув по колено в ледяной воде.

— Ты хоть понимаешь, что я могла бы составить акт о незаконном привлечении к тяжёлым работам? — пыхла я, переступая через корягу. — Это же трудовое рабство. Будто мне мало грядок бабы Марьи!

— А кто предлагал помочь? — спутник обернулся, и солнечный свет, пробивающийся сквозь кроны берёз, упал на его лицо. Влажные волосы прилипли ко лбу, глаза светились мальчишеским восторгом, я такого у него ещё не видела. Я смотрела на его выпачканные, мокрые руки и понимала, что он счастлив.

Удивительно, но рядом с ним моя душа, измученная тяжёлой порой жестокой работой и вечными проблемами с мужем, постепенно оттаивала. Мне кажется, я не улыбалась за год в сумме столько раз, сколько за это время в деревне. А ведь мне бы надо переживать, возможно, рвать волосы на голове, а потом реветь белугой, что на четвёртом десятке я осталась на обочине жизни. Только мне неожиданно нравится эта самая «обочина».

— Ты сейчас похож на ребёнка, которому купили самый большой набор пластилина в мире, — усмехнулась я, глядя на спутника.

— Ещё раз назовёшь меня ребёнком и пожалеешь! Не буди во мне зверя! — с хитрой ухмылкой демона-искусителя произнёс Иван.

Ох, мне бы его не провоцировать, он же совсем непредсказуемый и сумасшедший, но мне так нравится дёргать этого тигра за усы и надеяться, что не отгрызёт мне руку.

— Не боюсь я твоего хомячка!

— Ах, хомячка?! Ну всё, сама напросилась!

Не успеваю даже вскрикнуть, а оказываюсь прижатой к сильному горячему мужскому телу, а перемазанные глиной руки по-хозяйски сжимают мои ягодицы. От подобной наглости зависаю на секунду, а потом начинаю колотить кулачками в мужскую каменную грудь, но Ваня лишь смеётся.

Меня накрывает жаркой сладкой волной от его запаха и близости. Хочется положить голову на мужское плечо и растаять в объятиях, позволить этому наглецу делать с моим соскучившимся по мужской силе телом. Чтобы Иван завалил меня на траву прямо сейчас и...

Его губы на секунду замирают возле моего уха, и меня обдаёт горячим шёпотом: «Я чувствую, как бьётся твой пульс. Вот здесь!» Мужской язык скользит по шее, прямо там, где предательски быстро пульсирует венка, и я едва удерживаюсь на ногах от этой неожиданной ласки. Парень отстраняется так же внезапно, как и схватил меня в объятия.

— Пошли, — усмехается он. — Бабушка заждалась. Ей, наверное, уже не терпится рассказать нам, какой сегодня был сериал и почему соседский козёл опять съел её герань.

Как же мне хочется прибить этого паразита! Принципиально не буду больше реагировать на его приставания, буду холодна и неприступна, как айсберг в океане.

Дом показался издалека — тихий, мирный, с дымком из трубы и золотистыми бликами солнца на стёклах. Я даже выдохнула с облегчением: этот уголок земли стал за несколько дней чем-то большим, чем просто временным пристанищем. Он стал... домом. По-настоящему.

Но когда мы подошли ближе, Ваня вдруг остановился.

— Что-то не так, — сказал он, и голос его изменился, становясь жёстким и напряжённым.

— Тёть Марь! — крикнул Ваня, бросая ведро и бегом направляясь к крыльцу, а я тут же побежала за ним.

Дверь в дом была приоткрыта. Но это было нормально, так как баба Марья никогда не запиралась. Она всегда говорила: «Замок — это для городских. У нас тут свои люди».

Когда мы вошли в кухню, у меня подкосились ноги. Всё было разбито...

Тарелки с синими цветочками, которые баба Марья доставала только по праздникам, лежали осколками на полу. Кружки покатались под стол. Банки с соленьями разбиты, рассол растекался по линолеуму, и запах укропа смешивался с чем-то горьким.

Стулья были перевёрнуты. Скатерть — которую тётя вышивала своими руками, я видела её ещё в детстве — лежала в углу, вся в грязных следах от сапог.

Баба Марья сидела на лавке у печи, сжимая в руках единственную уцелевшую кружку, и плакала молча, без всхлипов. Просто слёзы текли по её щекам, падали на пол, покрытый осколками.

— Ба, — Ваня рухнул перед ней на колени, взял её руки в свои. — Что случилось? Кто это сделал?

— Ваня... — старушка подняла красные, мокрые глаза, но с тем её упрямым прищуром, который я так хорошо помнила с детства. — Приезжали они... опять.

— Кто? — мой голос прозвучал жёстче, чем я хотела. Прокурорская хватка включилась автоматически.

— Из той фирмы, что скупает дома и земли. «Вольные просторы» называются, кажись... — баба Марья вытерла лицо передником. — Уже третий раз приезжают. Сначала уговаривали, мол, продавай, бабка, всё равно тут жить тебе скоро будет негде, мы таунхаус, прости господи, построим. А сегодня... сегодня устроили погром.

Чувствуя, как внутри разгорается пожар негодования, сжала кулаки и оглядела кухню. Это был не просто погром, а целенаправленное уничтожение. Не крали ничего, просто ломали, топтали. Чтобы больнее. Чтобы страшнее. Проклятые ублюдки!

Глава 8

— Ты заявление написала? — спросила я, и в голосе зазвенел металл, которым я привыкла рубить правду-матку на допросах.

— Какое заявление, Маргош... — всхлипнула тётя. — Тут полиции нет. Участковый в соседней деревне, раз в месяц приезжает. А эти... они на чёрных джипах, с лицами, будто их из быков набирали. Кто их найдёт? Да и связываться никто не станет.

Ваня встал. Его лицо стало белым, как та самая глина, что мы набрали у ручья. Кулаки сжались до хруста, и я видела, как перекачиваются желваки на скулах.

— Я найду их, — произнёс он тихо, но в этой тишине было столько ярости, что у меня мурашки побежали по спине. — Найду каждого, кто посмел, и...

— Ваня, стой! — я схватила парня за руку, чувствуя, как под пальцами перекачиваются стальные мышцы, как у хищника, готового к прыжку.

В зелёных глазах полыхнуло такое, что я испугалась, потому что в этом взгляде внезапно увидела мужчину. Не мальчика с наглой улыбкой, не обаятельного шутника, а взрослого, опасного мужчину, готового уничтожить любого, кто посмел обидеть слабого.

— Не делай глупостей! — я встала между ним и дверью, уперевшись ладонями в его грудь. — Если ты сейчас поедешь искать их в таком состоянии, чем это кончится? Ты думаешь, эти быки будут с тобой разговаривать? Всё закончится мордобой. Кто будет защищать бабу Марью, когда тебя посадят на пятнадцать суток? А если они тебя покалечат?

— Мне плевать!

— А мне нет! — я повысила голос, и разъярённый ураган замер. — Мне не плевать на тебя, идиот ты непонятливый! Я не позволю тебе сломать свою жизнь из-за каких-то выроdkов, которые даже не заслуживают твоего кулака!

Он смотрел на меня сверху вниз, тяжело дыша, и чувствовала, как его тело вибрирует от сдерживаемой злости. А потом что-то изменилось в его глазах. Ярость не ушла, но в ней появилось что-то ещё. Удивление. Благодарность. И... желание. Горячее, дикое, совершенно неуместное сейчас, но от этого не менее реальное.

— Ты, — выдохнул он, — невероятная женщина, Марго.

— Я прокурор, — поправила я, стараясь не обращать внимания на то, как мои ладони горят от прикосновения к его груди. — Пусть и бывший.

Я достала телефон, сфотографировала разгром: разбитую посуду, перевернутые стулья, грязные следы на скатерти. Каждый кадр — вещдок, который пригодится.

— Баб Марь, когда это случилось?

— Час назад, может, два, — она шмыгнула носом. — Я сначала не могла очухаться, потом уж хотела звонить, а телефон в сених забыла, а они...

— Значит, они ещё недалеко, — я набрала номер старого знакомого, начальника районного отдела. Говорила чётко, как на допросе: адрес, факты, подозреваемые — ООО «Вольные просторы». Попросила наряд, фиксацию, опрос соседей.

— Едут, — сказала я, кладя трубку. — Через час будут.

Вскоре прикатил наряд, но по их поведению, сразу поняла, что связываться с местными бандито-бизнесменами никто не желает. Судя по всему, наследие лихих 90-х здесь было живо до сих пор. Когда полиция уехала, пообещав отработать камеры и найти владельцев джипов, баба Марья ушла в комнату, а мы с Ваней остались на кухне вдвоём.

— Ты злишься, что я не дала тебе поехать? — спросила тихо, глядя на то, как методично он убирает осколки, сжав челюсти так, что слышала скрип его зубов.

— Нет, — он поднял голову, и в зелёных глазах блеснул слабый огонёк. — Я злюсь, что это вообще происходит. Что эти уроды могут врывать в чужой дом, ломать то, что строилось десятилетиями. И что у меня нет права просто взять и набить им морды.

— Есть такое право. Называется необходимая оборона. Но когда они уехали — это уже не оборона. Это месть. А месть, Ваня, уголовно наказуема.

— Ты всегда такая правильная? — спросил парень, и в голосе вдруг звучала усталость.

— Нет. Просто я слишком хорошо знаю, как работает система.

Дальше мы наводили порядок в молчании, иногда задевая друг друга локтями или касаясь при передаче веника. Присутствие этого парня давало мне сил и спокойствия, словно заряжая.

Когда кухня перестала походить на поле боя, на деревню опустился вечер, окутав всё вокруг густой, тёплой темнотой. Баба Марья уснула в своей комнате, и в доме стало тихо, только сверчок за окном наярывал свою бесконечную песню.

Несмотря на усталость я не могла уснуть. В голове прокручивался план завтрашних звонков: Росреестр, налоговая, знакомый адвокат. Но мысли всё время возвращались к Ване. К его рукам, сжатым в кулаки. К зелёным глазам, полным ярости и боли. Я представила, как бы среагировал мой почти бывший муж на то, что случилось сегодня. Наверное, долго и громко негодовал, сыпал угрозами и проклятиями в адрес обидчиков, а сам бы вздрагивал от малейшего шороха, а от громкого звука — и вовсе напустил в штаны.

Я вышла в коридор и заметила, что комнате Ивана горел свет. На цыпочках подошла к двери, постояла секунду, а потом — неожиданно для самой себя — тихо постучала.

— Войдите, — раздался его голос, хрипловатый и усталый.

Парень сидел на кровати, обхватив голову руками. При моём появлении поднял глаза, и в них мелькнуло удивление.

— Марго? Что-то случилось?

— Нет. Всё хорошо. Я просто... не могла уснуть. И... хотела убедиться, что ты в порядке.

— Со мной всё в порядке, — он усмехнулся, но улыбка вышла кривой. — Если не считать того, что хочется разнести в щепки каждого, кто посмел тронуть бабушку.

Казалось, что меня тянет к Ване магнитом. Ноги сами собой сделали шаг к нему, потом ещё один.

— Лучше остановись, Марго! — угрожающе прорычал Ваня, и его глаза стали темнее.

Вместо этого я потянулась к нему, провела ладонями по его щекам — колючим от вечерней щетины — и притянула к себе.

Наш первый поцелуй был голодным, отчаянным, как глоток воды в пустыне. Он целовал меня так, будто ждал этого всю жизнь, и я отвечала ему тем же.

Мужские руки скользнули под мою футболку, пальцы вжались в кожу на спине, и я выгнулась навстречу, чувствуя, как по телу разливается расплавленный жар.

— Марго, — прорычал он прямо в губы, прикусывая их по очереди. — Ты даже не представляешь, как я тебя хочу.

— Покажи, — прошептала я, и в этом слове было всё: согласие, желание, страх и невероятная смелость.

Он повалил меня на кровать, навис сверху, и я чувствовала каждую твёрдую мышцу его тела через тонкую ткань одежды. Горячие губы лихорадочно и отчаянно скользили по моей шее, спускались к ключицам, и я хватала ртом воздух, потому что забыла, как дышать.

— Ты такая красивая, — шептал Ваня между поцелуями. — Моя вредная невыносимая муза..

Сгорая от желания, я потянула его футболку вверх, и парень буквально содрал её голову. Мои пальцы впились в его обнажённые плечи, в гладкую горячую кожу, и я чувствовала, как под ними перекачиваются мышцы.

Жадные мужские руки расстегнули пуговицы на моей рубашке, и я прохладный воздух лизнул мою разгорячённую кожу, заставляя её покрыться мурашками, а соски затвердеть. Мы знали, что пути назад уже нет, — в этот омут мы прыгнули сами, и теперь ничто не сможет нас остановить, разве что потоп или пожар.

И в этот момент я ощутила едкий, тревожный, неотступный запах гари. Он просочился сквозь щель под дверью, смешался с нашим дыханием.

С трудом, но всё же оторвалась от губ парня и принялась.

— Ваня, — прошептала я испуганно, — ты чувствуешь?

Парень замер, поднял голову, прислушиваясь. Ночь за окном была тихой, но откуда-то со стороны крыльца доносился сухой, злой, неумолимый треск.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.